

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ЭКСПЕРТА И СПЕЦИАЛИСТА КАК УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. Автором статьи предложена классификация субъектов уголовного судопроизводства в зависимости от соотношения их процессуального и профессионального статусов. Она позволяет определить степень влияния профессиональной составляющей деятельности участников процесса на выполнение ими своих процессуальных функций. Закрепление на уровне федерального закона профессионального статуса эксперта является основанием для включения эксперта в число профессиональных участников уголовного судопроизводства и дифференциации процессуального положения эксперта и специалиста.

Ключевые слова: уголовный процесс, субъекты уголовного судопроизводства, эксперт, специалист, профессиональная деятельность.

Ярослава Владимировна КОМИССАРОВА,
доцент кафедры криминалистики
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
главный редактор
федерального научно-практического журнала
«Эксперт-криминалист»,
кандидат юридических наук, доцент
kriminalistmsal@list.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2017.33.5.135-142

Ya. V. KOMISSAROVA,

candidate of juridical sciences, docent, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), criminalistics department, associated professor; Federal science-practice journal "Forensics analyst", editor-in-chief

kriminalistmsal@list.ru

125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Str., 9

ON THE QUESTION OF THE BASIS OF THE DISTRIBUTION OF THE PROCESS STATUS OF THE EXPERT AND THE SPECIALIST AS PARTICIPANTS OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Review. The author proposed classification of subjects of criminal proceedings, depending on the ratio of their procedural and professional statuses. It allows you to determine the degree of influence of professional activity of participants of the processes in the exercise of their procedural functions. Consolidation at the level of the Federal law of professional expert status is the basis for the inclusion of expert in the number of professional participants in criminal proceedings and differentiation of the procedural position of the expert and the specialist.

Keywords: criminal procedure, subjects of criminal proceedings, expert, specialist, professional activity.

Вовлеченность в уголовное судопроизводство каждого из участвующих в нем лиц далеко не одинакова, существенным образом различается объемом действий, ими выполняемых. Определяя назначение, направленность и содержание деятельности (совокупности действий) того или иного участника процесса, обычно употребляют термин «функция». Данное понятие также может использоваться при анализе назначения уголовного судопроизводства как особой формы реализации права. Очевидно, что функциональная характеристика уголовно-процессуальной деятельности в целом тесно связана с решением вопроса о месте и роли в ее осуществлении каждого отдельно взятого субъекта судопроизводства.

По функциональной направленности деятельности участников процесса УПК РФ позволяет выделить: а) суд в качестве самостоятельного субъекта, осуществляющего функцию правосудия; б) субъектов, реализующих функцию обвинения; в) субъектов, реализующих функцию защиты; г) иных субъектов, оказывающих содействие вышеперечисленным при производстве по делу.

Хотя деление субъектов уголовного судопроизводства на группы в зависимости от выполнения ими основных процессуальных функций в юридической литературе встречается чаще всего, классификационные построения возможны и по иным основаниям: в зависимости от роли субъекта в доказывании; в привязке к стадиям, на которых принимает участие в уголовном деле то или иное лицо; по наличию/отсутствию властных полномочий у субъекта; с учетом порядка вступления в уголовный процесс и т.д.¹

К сожалению, при ознакомлении с предлагаемыми классификациями приходится констатировать, что эксперту (носителю сложнейшей системы знаний, без которых в современном мире в подавляющем большинстве случаев расследование и разрешение уголовных дел попросту невозможно) отводится место где-то между свидетелем (источником доказательственной информации, полученной с помощью органов чувств) и понятым (наблюдающим за попытками лица, ведущего расследование, эту самую информацию добыть).

В данном случае не может быть и речи о сравнении по типу лучше/хуже. Как верно отмечает Л. Н. Малахова, не следует, анализируя процессуальные функции субъектов судопроизводства, подразделять их «на основные и вспомогательные, главные и второстепенные, так как подобное деление может способствовать недооценке некоторых компонентов уголовно-процессуальной деятельности в ущерб правам и законным интересам участвующих в деле лиц, а также результатам этой деятельности»².

Напрямую увязывая совершенствование правового регулирования судебной экспертной деятельности в целом с повышением качества деятельности конкретного эксперта по производству судебных экспертиз, надо признать, что нынешний подход законодателя к определению статуса эксперта (и его размежеванию со статусом специалиста) не является оптимальным. При этом особо следует

¹ Подробно см.: Малахова Л. И. Уголовно-процессуальная деятельность (общие положения) : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002. С. 98—99 ; Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс : учебник. М. : Эксмо, 2005. С. 104—106.

² Малахова Л. И. Указ. соч. С. 75.

подчеркнуть недопустимость смешения двух взаимосвязанных, но не тождественных проблем — проблемы определения значимости заключения эксперта как доказательства и проблемы оптимизации правового положения эксперта в уголовном судопроизводстве. Указывая на необходимость изменения условий деятельности эксперта за счет адекватной современным реалиям корректировки его правового статуса, мы никоим образом не подвергаем сомнению необходимость процессуальной оценки результата этой деятельности в общем для всех доказательств порядке.

Долгое время решение обеих вышеуказанных проблем представлялось ученым единой задачей, поскольку понятие «экспертиза», отражающее процесс получения доказательства, и понятие «заключение эксперта», обозначающее результат данного процесса, не разграничивались³.

Отголоски многолетней дискуссии, уходящей корнями в реформы XIX в., можно найти не только в учебниках по уголовному процессу, изданных в середине XX в., но и в современных публикациях⁴. Тот факт, что эволюция взглядов на статус эксперта в судопроизводстве по вполне понятным причинам оказалась тесно связана с вопросом о доказательственной ценности заключения эксперта, не должен сегодня служить препятствием для углубленного анализа специфики деятельности эксперта как участника процесса, хотя немаловажная часть дискуссии и пришла к своему логическому завершению.

В связи с вышеизложенным, не оспаривая правомерности дифференциации субъектов уголовного судопроизводства в зависимости от их функционального назначения, считаем целесообразным к уже имеющимся классификациям добавить еще одну, наглядно демонстрирующую соотношение процессуального и профессионального статусов участников процесса.

Отличительной особенностью судопроизводства является то, что процессуальная деятельность, сама по себе не являющаяся трудовой, осуществляется субъектами, для некоторых из которых реализация профессиональных функций увязывается с выполнением функций процессуальных. Неслучайно науке уголовно-процессуального права известна классификация субъектов судопроизводства в зависимости от порядка их вступления в уголовный процесс, позволяющая выделить вступающих в процесс: а) в силу служебной обязанности; б) по решению должностного лица, осуществляющего производство по делу;

³ Подробно см., например: *Чельцов М. А., Чельцова Н. В.* Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. М. : Госюриздат, 1954. С. 11—14 ; *Абакиров К. К.* Процессуальные и организационные проблемы применения специальных познаний при производстве судебных экспертиз (по материалам Российской Федерации и Кыргызской Республики) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 26—28.

⁴ См., например: *Чельцов М. А.* Советский уголовный процесс. М. : Госюриздат, 1962. С. 170—172 ; *Чикурова Е. В.* Доказательственное значение мнения эксперта при вынесении решения по уголовному делу, осложненному симулятивным поведением подозреваемого, обвиняемого // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве : материалы Международной науч.-практ. конференции, посвященной памяти д-ра юрид. наук, проф. Полины Абрамовны Лупинской : сб. науч. тр. М. : Элит, 2011. С. 387—392.

в) по собственной инициативе при наличии определенных обстоятельств и волеизъявления⁵.

При этом говорить о «совпадении» функций не стоит: совпадает содержание действий, выполняемых тем или иным субъектом уголовного судопроизводства в рамках трудовой и процессуальной деятельности, но различия в их направленности сохраняются.

К примеру, вынося постановление о назначении экспертизы, следователь совершает процессуальное действие, в общем виде ориентированное на сбор доказательств в целях выявления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Но, поступая так, следователь одновременно надлежащим образом исполняет должностные обязанности, стремясь удовлетворить ряд своих потребностей благодаря получению вознаграждения за труд. Точно так же действуют сотрудники государственных судебно-экспертных учреждений, участвуя в производстве экспертиз по уголовным делам. В то же время деятельность некоторых субъектов уголовного судопроизводства носит исключительно процессуальный характер и отношения к какому-либо роду трудовой деятельности не имеет.

На значимость данного обстоятельства, учитывая тесную связь функциональной направленности деятельности участника процесса и отводимого ему правового положения, было указано Н. П. Кирилловой. Отмечая, что достижение целей уголовного процесса обеспечивается благодаря активности всех его участников, она подчеркивала, что наибольшее влияние оказывают государственный обвинитель, адвокат-защитник и профессиональный судья как профессиональные субъекты судопроизводства⁶. К сожалению, в диссертационном исследовании Н. П. Кирилловой сама по себе весьма нетривиальная идея дифференциации по статусу профессиональных участников процесса развития не получила, что побуждает нас пойти дальше и предложить такого рода классификацию.

Думается, что в зависимости от соотношения процессуального и профессионального статусов среди субъектов уголовного судопроизводства можно выделить следующие группы участников процесса:

- 1) трудовая деятельность которых сосредоточена на участии в процессуальной деятельности, а выполнение профессиональных функций обуславливается необходимостью выполнения функций процессуальных;
- 2) трудовая деятельность которых предполагает регулярное участие в судопроизводстве, но может осуществляться и в иных сферах, при этом возможность реализации ими своих процессуальных полномочий увязывается, как правило, с наличием у субъекта соответствующей специализации;
- 3) трудовая деятельность которых с судопроизводством не связана вовсе или связана весьма отдаленно, но в их деятельности в статусе участников процесса могут присутствовать элементы «профессионализма»;

⁵ Григорьев В. Н., Победин А. В., Яшин В. Н. Указ. соч. С. 105—106.

⁶ Кириллова Н. П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2008. Кн. 1. С. 51.

- 4) выполняющих ввиду вовлечения их в уголовный процесс в определенном качестве такие функции, реализация которых ни по форме, ни по сути с трудовой деятельностью не связана.

В первую группу должны быть включены все, чья профессия предполагает постоянное участие в уголовно-процессуальной деятельности, — от секретаря судебного заседания до судьи.

Во вторую группу включаются те, кто по роду занятий часто оказывается участником уголовного судопроизводства, но также может заниматься трудовой деятельностью в иной сфере, прежде всего адвокаты.

В третью группу входят: а) те, кто выполняет функции субъектов второй группы (например, близкий родственник обвиняемого, допущенный в качестве защитника, или сотрудники правозащитных организаций, специализирующиеся на выполнении функций представителя интересов сограждан — потерпевших, гражданских истцов, ответчиков, частных обвинителей); б) те, кого приобретение опыта участия в судопроизводстве в определенном качестве может привести к тому, что соответствующие процессуальные функции ими впоследствии будут выполняться «профессионально». Например, переводчики, регулярно приглашаемые работниками правоохранительных органов при расследовании определенной категории уголовных дел (перевод юридических текстов зачастую становится дополнительной специализацией, что, в свою очередь, положительно сказывается на эффективности их деятельности как участников процесса).

Четвертая группа объединяет лиц, вовлекаемых в судопроизводство однократно или эпизодически (понятые, потерпевшие, обвиняемые). Выполняемые ими действия в любом случае отношения к какому-либо виду трудовой деятельности не имеют.

В целом значение классификации видится в том, что ее использование позволяет оптимизировать процесс совершенствования законодательства. Деятельность субъектов, включаемых в четвертую группу, нуждается в наиболее подробной процессуальной регламентации. В то же время полномочия остальных могут быть конкретизированы, к примеру, в ведомственных нормативных правовых актах, при разработке которых следует учитывать степень вовлеченности субъектов первой, второй и третьей групп в судопроизводство.

Кроме того, классификация позволяет выявить уязвимость правового положения эксперта и, как следствие, обосновать соответствующий современному пониманию назначения уголовного процесса, юридически корректный вариант дифференциации его статуса с процессуальным статусом специалиста. Среди реалий сегодняшнего дня наиболее очевидным является рост потребности в использовании специальных знаний как со стороны обвинения, так и со стороны защиты.

На наш взгляд, отправной точкой при определении статуса эксперта в судопроизводстве должен быть тот факт, что деятельность лица, вовлекаемого в процесс в качестве эксперта, по своей природе является профессиональной. Освоение специальностей высшего профессионального образования, в том числе специальности «судебная экспертиза», предопределяет особенности формирования общекультурных и профессиональных компетенций экспертов, поскольку освоение профессии подразумевает обязательность соответствующей профессиональной

подготовки⁷. Применительно к деятельности прочих лиц ссылка на профессиональный характер несет иную смысловую нагрузку: производством судебных экспертиз они занимаются «как профессией» (речь идет о занятии, приносящем доход независимо от наличия или отсутствия профподготовки)⁸.

Производный характер процессуальной функции эксперта по отношению к его профессиональной деятельности привел нас к выводу о целесообразности сохранения права производства судебных экспертиз за лицами, получившими профессиональный статус эксперта в порядке, установленном законодательством РФ (предварительно должен быть принят федеральный закон «О судебно-экспертной деятельности и профессиональном статусе эксперта в Российской Федерации»)⁹.

С учетом необходимости реализации назначения уголовного судопроизводства, исключающей возможность ограничения каким-либо образом правоприменителей в использовании специальных знаний, предлагается одновременно внести изменения в правовое положение специалиста как участника процесса. На наш взгляд, специалиста следует наделить правом проведения исследования и дачи заключения по его результатам в определенных законом случаях, а именно:

а) при проверке научной обоснованности заключения эксперта (к примеру, для решения вопроса о целесообразности назначения повторной экспертизы, признания заключения эксперта недопустимым доказательством в соответствии со ст. 75 УПК РФ и т.д.);

б) при необходимости уяснения вопроса из той области науки, техники, искусства или ремесла, где реализация программ высшего профессионального образования в России не предусмотрена;

в) в ситуации востребованности знаний из сферы, которая ранее производством экспертиз охвачена не была (до того, как требования к проведению нового вида экспертизы будут стандартизированы в порядке, определяемом федеральным законом «О судебно-экспертной деятельности и профессиональном статусе эксперта в Российской Федерации»).

По мнению Е. А. Зайцевой, когда «речь идет об экспертизе, для производства которой еще не подготовили экспертов, значит, эта экспертиза еще не завершила свой процесс оформления как самостоятельный вид судебной экспертизы, значит, для нее еще не разработана методика, не определены экспертные задачи, решаемые с ее помощью, не выделены четко объекты и методы исследования, не выбраны тщательно приборы, оборудование, реактивы и расходные материалы для реализации ее задач», следовательно, «назначать такую экспертизу нельзя»¹⁰.

⁷ По данному вопросу см., например: *Галяшина Е. И.* Феномен судебного речеведения: наука — экспертиза — обучение // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 12. С. 40—41.

⁸ *Комиссарова Я. В.* Трудовая деятельность эксперта : подход к проблеме // Эксперт-криминалист. 2008. № 3. С. 2—6.

⁹ Подробно см.: *Комиссарова Я. В.* Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 158—166.

¹⁰ *Зайцева Е. А.* Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. Т. 1. С. 348—349.

К сожалению, процесс становления новых видов экспертиз долог и труден и сам по себе не может быть поставлен во главу угла при решении вопроса о целесообразности использования определенного рода специальных знаний в судопроизводстве. Потребность в их применении предопределяется характером преступной деятельности, темпы модификации которой значительно превосходят возможности государства по совершенствованию судебно-экспертной деятельности и переоснащению экспертных учреждений, финансируемых из бюджета.

Человек, весьма известный как специалист в какой-либо области знания или сфере труда (непроцессуальной), может не иметь доступа к определенному оборудованию, не обязан знать ведомственные методики производства экспертиз различных видов, степень их апробированности и т.д. Однако в ситуации, когда его мнение способно помочь лицу, несущему бремя доказывания, в установлении обстоятельств, имеющих значение для дела, необходимость его участия в процессе не должна подвергаться сомнению. Возможность правоприменителей использовать при отправлении правосудия специальные знания за счет обращения за заключением к лицу, профессиональные предпочтения которого не связаны с получением статуса эксперта, неоспорима. Другой вопрос, в какой процессуальной форме с точки зрения защиты прав и интересов лиц и организаций это следует делать в современных условиях.

Предлагаемый нами подход к определению правового положения эксперта в судопроизводстве и размежеванию его со статусом специалиста позволяет в полном объеме реализовать комплекс мер, давно предлагаемых учеными и практиками, направленных на поддержание готовности лиц, назначаемых экспертами, к осуществлению процессуальной функции на высоком профессиональном уровне. Прежде всего это касается вовлечения субъекта в производство по делу в качестве эксперта только при наличии у него высшего профессионального образования, что в настоящее время крайне важно, но, к сожалению, в условиях действия УПК РФ в нынешней редакции невозможно. Профессия судебного эксперта могла бы получить мощный импульс в развитии, а идеи межведомственной аттестации и переаттестации экспертов, принятия экспертами присяги, формирования реестра экспертов — практическое воплощение, адекватное как условиям труда, так и отражающему их новому процессуальному статусу эксперта.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абакиров К. К.* Процессуальные и организационные проблемы применения специальных познаний при производстве судебных экспертиз (по материалам Российской Федерации и Кыргызской Республики) : дис. ... канд. юрид. наук / К. К. Абакиров. — М., 2000.
2. *Галяшина Е. И.* Феномен судебного речеведения: наука — экспертиза — обучение / Е. И. Галяшина // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2015. — № 12. — С. 38—44.
3. *Григорьев В. Н.* Уголовный процесс : учебник / В. Н. Григорьев, А. В. Победин, В. Н. Яшин. — М. : Эксмо, 2005.

4. *Зайцева Е. А.* Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук / Е. А. Зайцева. — М., 2008.
5. *Кириллова Н. П.* Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции : дис. ... д-ра юрид. наук / Н. П. Кириллова. — СПб., 2008.
6. *Комиссарова Я. В.* Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика / Я. В. Комиссарова. — М. : Юрлитинформ, 2014.
7. *Комиссарова Я. В.* Трудовая деятельность эксперта: подход к проблеме / Я. В. Комиссарова // Эксперт-криминалист. — 2008. — № 3. — С. 2—6.
8. *Малахова Л. И.* Уголовно-процессуальная деятельность (общие положения) : дис. ... канд. юрид. наук / Л. И. Малахова. — Воронеж, 2002.
9. *Чельцов М. А.* Проведение экспертизы в советском уголовном процессе / М. А. Чельцов, Н. В. Чельцова. — М. : Госюриздат, 1954.
10. *Чельцов М. А.* Советский уголовный процесс / М. А. Чельцов. — М. : Госюриздат, 1962.
11. *Чикурова Е. В.* Доказательственное значение мнения эксперта при вынесении решения по уголовному делу, осложненному симулятивным поведением подозреваемого, обвиняемого / Е. В. Чикурова // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве : материалы Международной науч.-практ. конференции, посвященной памяти д-ра юрид. наук, проф. Полины Абрамовны Лупинской : сб. науч. тр. — М. : Элит, 2011. — С. 387—392.